

Н. С. Прокурова

«...СЛОВО О ВЕЛИКОМ ХУДОЖНИКЕ...»

(К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО)

В статье анализируется творчество Ф. М. Достоевского с точки зрения отражения российской правовой действительности второй половины XIX века, отмечаются заслуги писателя перед отечественной юриспруденцией. Статья адресована курсантам, студентам и широкому кругу читателей.

Ключевые слова: преступление, наказание, суд, следователь, пристав следственных дел.

N. S. Prokurova

«...TELLING ABOUT A GREAT ARTIST...» (TO THE 190TH ANNIVERSARY OF F. M. DOSTOEVSKY)

In the article the author analyzes F. M. Dostoevsky's works in terms of reflection of the Russian legal reality of the second half of the 19th century and points out the writer's merits and contributions to native jurisprudence. The article is addressed to cadets, students, and a broad spectrum of readers.

Keywords: crime, punishment, court, investigator, bailiff.

Он стоял всегда за нарушенное, за попранное право, ибо стоял за личность человека, за его достоинство, которые находят себе выражение в этом праве.

А. Ф. Кони

Спустя несколько дней после смерти Ф. М. Достоевского, выступая на заседании Юридического общества, замечательный русский юрист А. Ф. Кони сказал: «Я не опасюсь, что меня спросят: "Какое отношение может иметь Федор Михайлович Достоевский к собранию юристов?" — и не думаю поэтому, что слово мое будет сочтено неуместным... Слово о великом художнике, который умел властно и глубоко затрагивать затаенные и нередко подолгу молчаливые струны сердца, не может быть неуместным в среде деятелей, посвятивших себя изучению норм, отражающих на себе душевную потребность людей в справедливости и исканию наилучшего ее осуществления» [1].

Одной из главных в творчестве замечательного русского писателя-гуманиста Ф. М. Достоевского стала тема бесправия униженных и оскорбленных жизнью людей. Также много внимания Ф. М.

Достоевский уделяет вопросам права и судопроизводства. В ежемесячном литературном и политическом журнале «Время» [2], издаваемом братьями Достоевскими (1861—1863), в просветительских и воспитательных целях в разделе «Иностранная литература. Преступления и наказания» постоянно публиковались материалы из уголовных дел Франции и Англии.

В 1860 и 1861 гг. в газете «Русский мир» появляются очерки Ф. М. Достоевского об Омской каторжной тюрьме — первые главы «Записок из Мертвого дома», созданные на основе жизненных впечатлений автора, отбывавшего четырехлетний срок наказания в Омском остроге за участие в кружке петрашевцев.

Период пребывания в Омском остроге ознаменовался мировоззренческой эволюцией Достоевского. Он видел, что обитатели тюрьмы в основной своей массе были простыми людьми, причем предположительно это были самые плохие из них. Но писателя поразило здесь то, что в отличие от интеллигенции эти «худшие люди» сохранили в себе и веру в Бога, и сознание своей греховности. Именно здесь, в Мертвом доме, под влиянием «смирненной и благочестивой

веры каторжников» в Бога смогло воскреснуть в писателе религиозное чувство.

Здесь, в остроге, родился у писателя замысел «Записок из Мертвого дома», первые наброски к которым были занесены автором в так называемую «Сибирскую тетрадь». Документальной основой очерковой книги Достоевского явились отобранные и осмысленные писателем реальные факты и конкретные события.

«Записки из Мертвого дома» представляют собой очерковую повесть, или своеобразный сборник художественных очерков, отмеченный композиционным единством и наличием ярко выраженной образной системы. Композиция «Записок» включает в себя бытовые картины Омского острога, портретные зарисовки каторжников и тюремного начальства, воспоминания арестантов о прошлом и многочисленные авторские размышления о наказаниях, тиранстве, национальном русском характере, о влиянии на человека «среды» и т. д.

Уже с первых страниц читатель погружается в зловещую атмосферу каторжной жизни, где не существует понятия о том, что заключенные — люди. Обезличивание человека начинается с момента его вступления в острог. Заключенному обрезают половину головы, облачают в двухцветную куртку «с желтым тузом» на спине и заковывают в кандалы. Таким образом, с первых своих шагов в тюрьме заключенный уже чисто внешне утрачивает право на свою человеческую индивидуальность. Некоторым, особо важным преступникам, выжигают на лице клеймо, не смываемое до конца жизни.

Не случайно Достоевский называет острог Мертвым домом: здесь погребены душевные и умственные силы людей. В остроге Достоевскому довелось наблюдать все типы уголовного мира: фальшивомонетчиков, контрабандистов, истязателей малолетних детей, грабителей на большой дороге и просто воров, разбойников и убийц.

Писатель рисует образы закоренелых преступников, «преступников по убеждению». Например, «ужасное существо» Газин попал в острог за то, что «любил прежде резать маленьких детей, единственно из удовольствия». Также

автор изображает отъявленного злодея, развратника и доносчика А-ва, которого он не может назвать человеком, а лишь «куском мяса, с зубами и желудком, и с неутолимой жадой наигрубейших, самых зверских телесных наслаждений...» (4, 63) [3].

Но и среди каторжников, в этом самом низшем разряде людей писателю удалось увидеть великодушие, доброту, человечность. В 1854 г. он писал брату Михаилу из Семипалатинска: «И в каторге между разбойниками, я, в четыре года, отличил наконец людей. Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото... Иных нельзя не уважать, другие решительно прекрасны» (28(1), 172). Писатель видит, что многие из этих людей отзывчивы на добро, умны, восприимчивы к грамоте, исполнены чувства внутреннего достоинства. Это «бесконечно добродушный и веселый», «безобидно-насмешливый» Варламов, добрый, «забавнейший человек в мире», талантливый артист и балагур Баклушин. Уважительное отношение автора к своему герою чувствуется в обрисовке образа гордого кавказца Нурры, тело которого «изрублено, изранено штыками и пулями» (4, 50), но дух ясен и спокоен.

Достоевский изображает своих товарищей по острогу не с позиции строгого судьи или равнодушного стороннего наблюдателя, а с позиции подлинного патриота и гражданина, ответственного за все, что происходит с его народом. Любовь и сострадание к своему народу не позволили Достоевскому при описании преступлений обитателей Омского острога, их буйных, бессмысленных кутежей и ссор склониться к антропологической теории итальянского судебного психиатра Чезаре Ломброзо (1835—1909) и объяснить преступность биологическими свойствами, злой природой человека, врожденной склонностью к преступлению.

Ф. М. Достоевский одним из первых в русской литературе заговорил о важной роли тюремного начальства в деле перевоспитания преступника, о благотворном влиянии личностных качеств начальника на воскресение погибшей души. Большую роль в духовном возрождении личности

Достоевский отводил гуманному отношению к заключенным. «Иные думают, например, — рассуждал писатель, — что если хорошо кормить, хорошо содержать арестанта, все исполнять по закону, так и дело с концом. Это... заблуждение. Всякий, кто бы он ни был и как бы он ни был унижен, хоть и инстинктивно, хоть бессознательно, а все-таки требует уважения к своему человеческому достоинству» (4, 91).

Многие суждения Достоевского по вопросам права, облеченные им в художественную форму, актуальны и сегодня. Так, например, писатель профессионально ставит вопрос о недопустимости совместного содержания в остроге людей, совершивших преступления, различные по своим мотивам, по исполнению, по отношению к ним самих преступников. «Один, например, — пишет автор, — зарезал человека так, за ничто, за луковицу... А другой убил, защищая от сладострастного тирана честь невесты, сестры, дочери. Один убил... защищая свою свободу, жизнь, нередко умирая от голодной смерти; а другой режет маленьких детей из удовольствия резать, чувствовать на своих руках их теплую кровь, насладиться их страхом, их последним голубиным трепетом под самым ножом. И что же? И тот и другой поступают в ту же каторгу» (4, 43). Подобного, по твердому убеждению писателя, быть не должно, как не должно быть и неравенства в последствиях наказания. При определении наказания, как справедливо считает Достоевский, необходимо учитывать то обстоятельство, что среди арестантов есть люди образованные, «с развитой совестью, сознанием, сердцем», которые испытывают душевные муки от содеянного преступления, но есть и такие, которые не только ни разу не подумают о своем убийстве, а даже считают себя правыми.

Впечатления, вынесенные Достоевским из Омской уголовной тюрьмы, были настолько сильны, что исследование правовых вопросов получило впоследствии художественное воплощение почти во всех произведениях Ф. М. Достоевского.

Знаменательно, что его первый философский и нравственно-психологический роман, созданный

на криминальной основе, получает название «Преступление и наказание» (1866). 9 октября 1859 г. писатель из Твери сообщал брату Михаилу: «В декабре я начну роман <...> Не помнишь ли, я тебе говорил про одну “Исповедь” — роман, который я хотел писать после всех, говоря, что еще самому надо пережить. <...>... все сердце мое с кровью положится в этот роман. Я задумал его в каторге, лежа на нарах, в тяжелую минуту грусти и саморазложения...» (28(1), 351).

В начале сентября 1865 г. Достоевский пишет из заграницы редактору «Русского вестника» М. Н. Каткову письмо и предлагает для опубликования «повесть», в которой так обозначает основные контуры своего будущего произведения: «Это — психологический отчет одного преступления. Действие современное, в нынешнем году. Молодой человек, исключенный из студентов университета, мещанин по происхождению, и живущий в крайней бедности, по легкомыслию, по шатости в понятиях, поддавшись некоторым странным «недоконченным» идеям, которые носятся в воздухе, решился разом выйти из скверного своего положения. Он решился убить одну старуху, титулярную советницу, дающую деньги на проценты. Старуха глупа, больна, жадна, берет проценты, зла и заедает чужой век, мучая у себя в работниках свою младшую сестру. “Она никуда не годна”, “для чего она живет?”, “полезна ли она хоть кому-нибудь?” и т. д. — эти вопросы сбивают с толку молодого человека. Он решает убить ее, обобрать, с тем, чтоб сделать счастливою свою мать, живущую в уезде, избавить сестру, живущую в компаньонках у одних помещиков, где от сластолюбивых притязаний главы этого помещичьего семейства — притязаний, грозящих ей гибелью, докончить курс, ехать за границу и потом всю жизнь быть честным, твердым, неуклонным в исполнении, “гуманного долга к человечеству”, чем уже конечно “загладится преступление”.

...Почти месяц он проводит после того до окончательной катастрофы. Никаких на него подозрений нет и не может быть. Тут-то и развертывается весь психологический процесс

преступления. Неразрешимые вопросы встают перед убийцей, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце. Божия правда, земной закон берет свое, и он сам кончает тем, что принужден сам на себя донести... » (28, 2, 136—137).

Просматривая отечественные издания, Достоевский хорошо понимал, что происходит в России. Газетная хроника буквально пестрела сообщениями об убийствах, совершаемых с корыстной целью. Различные «недоконченные» идеи и теории — идея М. Штирнера, воспевавшего эгоизм как единственно разумную точку зрения, «органическая теория общества» Г. Спенсера, теория «культа героев» Т. Карлейля, теория «утилитарной этики» И. Бентама и Д. С. Милля — буквально пропитывали российский воздух 60-х гг. XIX столетия. Впоследствии все эти идеи и теории станут благодатной почвой для зарождения и развития теории Ф. Ницше о «сверхчеловеке». Всем этим вредным идеям и теориям Достоевский противопоставляет в романе иное обоснование нравственности, воспитанной религиозными, православными традициями, оформленной в виде природного нравственного закона, живущего в душе каждого, даже самого испорченного человека.

В третьей редакции романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевский окончательно формулирует идею своего произведения — «православное воззрение, в чем есть православие» — и далее писатель объясняет эту идею: «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием. Таков закон нашей планеты... Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье и всегда страданием. Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание... приобретается опытом *pro* и *contra*, которое нужно перетаскать на себе» (7, 154—155).

Главный герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» Родион Раскольников. Рядом с ним в романе стоит Соня Мармеладова. На глубочайшем психологическом проникновении в эти образы автор пытается решить проблему преступления и наказания,

раскрыть ее нравственно-психологические аспекты.

Писатель видит трагедию Раскольникова в том, что он забыл христианские заповеди, отошел от Бога, позволил себе усомниться в его существовании. Отошедший от Бога и пораженный грехом гордыни Раскольников под влиянием молодых современных веяний выдвигает идею, допускающую «кровь по совести». Размышляя над историческими событиями, Раскольников приходит к выводу, что развитие общества обязательно осуществляется на чьих-то страданиях и крови, поэтому всех людей можно поделить на две категории — «обыкновенных» и «необыкновенных». «Обыкновенные», — это люди, «безропотно принимающие любой порядок вещей» — «твари дрожащие».

И «необыкновенные» — это «сильные мира сего», которые имеют право в случае необходимости нарушить моральные нормы и переступить через кровь. К «необыкновенным», по мнению Раскольникова, можно отнести таких исторических деятелей, как Наполеон, Ликург, Солон, Магомет.

Имея перед собой пример Наполеона, Раскольников пытается решить вопрос, к какому же разряду людей относится он сам? «...Вошь ли я, как все, или человек? — вопрошает герой самого себя. Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или *право* имею...» (6, 322).

Достоевский блестяще прослеживает процесс развития идеи своего героя до самого момента ее реализации. Человеколюбивая натура Раскольникова начинает яростно сопротивляться осуществлению этой идеи. Идет упорная борьба между сердцем и разумом героя.

«Жизнь иногда не знает пощады, — писал по этому поводу А. Ф. Кони, — и против измученной души Раскольникова последовательно, один за другим, пойдут бессознательным, но победоносным походом — и кающийся пьяница Мармеладов, и «худенькая, бледенькая, с кротким голосом» Соня, продавшая себя чужим детям и «мачехе, злой чахоточной», и сама эта глубоко несчастная мачеха «с красными пятнами на щеках», и голодные дети, и весь ужас безвыходного страдания и ежечасных толчков нищеты. А

затем, среди вихри скорбных и озлобленных дум, раздаётся одна, все покрывающая нота, звучащая из смоченного слезами Раскольникова письма его матери. Она подавит в нем все — и... вновь, с ужасающей силой, заставит вырасти мысль об убийстве. То, что было *мечта* вчера, что казалось *возможным* сегодня утром — созреет в *необходимое* к вечеру. Не обойдется, однако, без последней борьбы. Волнуемое негодованием, подавленное мыслью об убийстве, сердце не в силах бороться с умом, болезненно бодрствующим и ревниво оберегающим свою мечту, готовую перейти в действительность. Но, когда сон сжимает в своих объятьях усталую голову Раскольникова, на сырой земле Александровского парка, со дна души его поднимаются видения — и вся зверская, дикая сторона убийства встает с ужасающей правдой в образах, связанных с чистейшими воспоминаниями детства... Смерть несчастной Савраски, не шедшей «вскачь», — последний протест здоровых начал в душе Раскольникова — протест потрясюще-красноречивый, но бесплодный, ибо мысль об убийстве уже созрела вполне и всецело завладела им. Нужен лишь толчок — пустой, слабый, но имеющий непосредственную связь с этой мыслью — и все окрепнет, и решимость поведет Раскольникова «не своими ногами» на убийство...» [4].

Однако герой Достоевского видит свою трагедию не в том, что он пролил кровь, а только в том, что он не сумел переступить нравственный закон, приобщиться к сильным мира сего, а, отъединившись от людей, остался один на один со своими страданиями. «Разве я старушонку убил? — восклицает он в отчаянии. — Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя навеки!...» (6, 322). И теперь неотступно за героем следует наказание: болезнь, постоянный страх, резкие переходы от страха к «животной радости» и нервные потрясения, связанные с этим, сны, граничащие с галлюцинациями. Все это разрушает его организм, во внешнем облике героя происходят разительные перемены: в его портрете не осталось ничего, хотя бы смутно напоминающего того стройного юношу «с прекрасными темными

глазами», который предстал нашему взору в начале произведения.

В романе изображается сложная психологическая борьба героя с самим собою и одновременно с представителем власти — высокоинтеллектуальным следователем Порфирием Петровичем.

Пристава следственных дел Порфирия Петровича писатель изображает умным, опытным следователем (профессионалом), обладающим тонким профессиональным (психологическим) чутьем. Кажется, чего проще: отдай под суд сознавшегося в преступлении Миколку, эту душу, жаждущую очищения, и будь спокоен. Но Порфирий Петрович нравственен и справедлив, и, кроме этого, талантлив и наблюдателен. Два месяца назад он прочел в «Периодической речи» статью Раскольникова о делении людей на два разряда — «обыкновенных» и «необыкновенных» и уже тогда сделал верный психологический расчет, что эта теория, рожденная в расстроенном сознании автора, не пройдет для него бесследно. Обращает на себя внимание то, какую тонкую психологическую игру ведет интеллектуальный Раскольников в единоборстве с сильнейшим противником Порфирием Петровичем.

В первой беседе со следователем нервы Раскольникова напряжены как струна: он внимательно следит за своей речью, поведением, умело конфузится, где надо, возмущается, неловко усмехается и в то же время контролирует каждую свою реплику, каждое свое действие, не переставая здесь же поминутно судорожно их оценивать.

Участливо расспросив Раскольникова о его болезни, Порфирий Петрович неожиданно сообщает ему о том, что прочитал его статью в «Периодической речи» «о психологическом состоянии преступника в продолжении всего хода преступления», и о том, что «...акт исполнения преступления сопровождается всегда болезнью» (6, 198) и, наконец, о том, что «существуют на свете будто бы некоторые такие лица, которые... полное право имеют совершать всякие бесчинства и преступления» (6, 198-199).

И шаг за шагом Порфирий Петрович начинает подробно анализировать теорию Раскольникова,

вникая во все мелочи и уточняя детали. Порфирий понимает всю опасность подобных теорий для общества, понимает, чем они могут обернуться для человечества, поэтому он беспощаден к Раскольникову: вопросы его бесцеремонно грубы и въедливы, замечания ядовиты и дерзки. «Но вот что скажите: чем же бы отличить этих необыкновенных-то от обыкновенных? При рождении, что ль, знаки такие есть? Я в том смысле, что тут надо бы поболее точности, так сказать, более наружной определенности... нельзя ли тут одежду, например, особую завести, носить что-нибудь, клеймы там, что ли, какие?... Потому, согласитесь, если произойдет путаница и один из одного разряда вообразит, что он принадлежит к другому разряду, и начнет "устранять все препятствия", как вы весьма счастливо выразились, так ведь тут...» (6, 201). Разящая убедительность доводов следователя высвечивает эту теорию с другой стороны, как бы «выворачивает ее наизнанку», обнажая ее глубоко безнравственную суть.

Порфирий продолжает следствие по делу об убийстве старухи-процентщицы Алены Ивановны и ее сестры Лизаветы и ведет его профессионально, грамотно. Возможные свидетели обстоятельно допрошены, и уже ко второй встрече с Раскольниковым следователь осведомлен о том, что тот во время болезни, находясь в полубредовом состоянии, побывал на месте происшествия. Теперь следователь как никогда убежден, что преступник — Раскольников, но он не торопится предъявлять ему обвинение.

Порфирию Петровичу известно, что Раскольников, придя в квартиру убитой, дергал за дверной колокольчик, спрашивал о луже крови, которая была на полу в день убийства. А по опыту следственной практики Порфирий Петрович хорошо знает о том, что преступники часто возвращаются на место убийства. И во время второй беседы следователь тонко рассчитанным психологическим приемом повергает Раскольникова в душевный трепет. Так, Порфирий Петрович говорит своему оппоненту: «Да подозревай я вас хоть немножко, так ли следовало мне поступить? Мне, напротив,

следовало бы сначала усыпить подозрения ваши и виду не подать, что я об этом факте уже известен; отвлечь, этак, вас в противоположную сторону да вдруг, как обухом по темени... и огорошить: "А что, дескать, сударь, изволили вы в квартире убитой делать в десять часов вечера, да чуть ли еще и не в одиннадцать? А зачем в колокольчик звонили? А зачем про кровь расспрашивали?". Вот как бы следовало мне поступить, если бы я хоть капельку на вас подозрения имел... Стало быть, я на вас не питаю подозрений, коли иначе поступил!"» (6, 267—268).

Порфирий Петрович блестяще провел предварительное следствие по делу об убийстве коллежской секретарши Алены Ивановны и ее сестры Лизаветы: на квартире у Раскольникова был произведен обыск, все версии отработаны. И только теперь, в третьей беседе, следователь считает себя вправе предъявить обвинение. Таким образом, три беседы Раскольникова со следователем — образец профессионального мастерства Порфирия Петровича, который шаг за шагом, от беседы к беседе умело и расчетливо замыкает вокруг Раскольникова точное психологическое кольцо. Теперь уже Раскольникову ничего не остается делать, как покаяться в совершенном преступлении и идти на каторгу.

Размышляя о значении романа, А. Ф. Кони писал: «Достаточно упомянуть, как сильно отразилось "Преступление и наказание" на приемах и содержании некоторых произведений Габриэля Д'Анну-цио [5] и Поля Бурже [6], — указать на критические отзывы Воюэ [7], на разбор его в социально-криминологических очерках Ферри [8], на лекциях французского судебного деятеля Аталена, говорящего своим слушателям: "Читайте, читайте Достоевского" и т. п.» [9].

В романе «Идиот» (1868) находит продолжение тема «права сильной личности». Один из героев романа, Радомский Евгений Павлович, рассказывает князю Мышкину «об ужасном убийстве шести человек» одним юношей и о «странной речи защитника, где говорилось, что при бедном состоянии преступника ему естественно должно было прийти в голову убить

этих шесть человек». И здесь возникает спор: частный это случай или общий? Были подобные преступления раньше или теперь только появились?

Князь Мышкин говорит, что подобные убийства происходят «от искажения идей и понятий», которое «встречается очень часто» и «есть гораздо более общий, чем частный случай... И до того, что если б это искажение не было таким общим случаем, то, может быть, не было бы и таких невозможных преступлений, как эти...» (8, 279). Оппонент князя возражает: «Невозможных преступлений? Но уверяю же вас, что точно такие же преступления, и, может быть, еще ужаснее, и прежде бывали, и всегда были, и не только у нас, но и везде, и, по-моему, еще очень долго будут повторяться. Разница в том, что у нас прежде было меньше гласности, а теперь стали вслух говорить и даже писать о них, потому-то и кажется, что эти преступники теперь только и появились» (8, 280).

Князь Мышкин не согласен с мнением Евгения Павловича, он видит суть явления глубже, понимает пагубность, античеловечность подобных идей, поэтому он глубокомысленно замечает: «Я сам знаю, что преступлений и прежде было очень много, и таких же ужасных; я еще недавно в острогах был, и с некоторыми преступниками и подсудимыми мне удалось познакомиться. Есть даже страшнее преступники, чем этот, убившие по десяти человек, совсем не раскаиваясь. Но я вот что заметил при этом: что самый закоренелый и нераскаянный убийца все-таки знает, что он *преступник*, то есть по совести считает, что он нехорошо поступил, хоть и безо всякого раскаяния. И таков всякий из них; а эти ведь, о которых Евгений Павлыч заговорил, не хотят себя даже считать преступниками и думают про себя, что право имели и... даже хорошо поступили, то есть почти ведь так. Вот в этом-то и состоит, по-моему, ужасная разница. И заметьте, все это молодежь, то есть именно такой возраст, в котором всего легче и беззащитнее можно подпасть под извращение идей» (8, 280).

Размышляя о наказании преступников, «Достоевский не остановился, однако, на аналитическом изображении каторги — писал А.

Ф. Кони. — Есть наказание выше — и споры о нем, о его целесообразности и справедливости давно уже разделяют юристов и политиков на два неравных лагеря, этот вечный вопрос — *eine ewige Frage* уголовного права — смертная казнь. И по отношению к ней Достоевский высказался прямо и бесповоротно. <...> В горячих словах своего «Идиота» он строго осудил смертную казнь, как нечто еще более жестокое, чем преступление. <...> И в этом новая заслуга мыслителя-художника» [10].

Ф. М. Достоевский в своих произведениях не только вскрывал психологию преступления, прослеживал процесс «внутреннего», «*собственного*» наказания человека, преступившего закон, но также исследовал и проблему «внешнего» наказания преступника в государстве. Писателю было безразлично, кто стоит на страже государственного закона, кто осуществляет судебный процесс.

К проблеме «внешнего наказания» Ф. М. Достоевский обращается в своем последнем романе «Братья Карамазовы» (1880). Большую роль в истории подготовки замысла романа «Братья Карамазовы», несомненно, сыграл «Дневник писателя» за 1876—1877 гг.

Статьи из «Дневника писателя» первоначально публиковались в газете-журнале «Гражданин», редактором которого с 1873 г. и в начале 1874 г. был Ф. М. Достоевский. Это статьи-отклики писателя на современные события. Значительное место в журнале в этот период занимает тема суда. Здесь поднимаются вопросы тюремного содержания малолетних преступников, прослеживается ход судебной реформы.

Роман Достоевского «Братья Карамазовы» (1879—1880) явился итогом многолетнего творчества писателя. В центре внимания писателя семья Карамазовых: отец — Федор Павлович, его сыновья Дмитрий, Иван, Алеша. В семье идет вражда между отцом и старшим его сыном Дмитрием из-за провинциальной красавицы Грушеньки. Страстно влюбленный в нее Дмитрий не скрывает своей ненависти к отцу.

В соответствии с первоначальным замыслом Достоевский хотел ограничиться в романе только

изображением судебного разбирательства по делу Дмитрия Карамазова, обвиненного в убийстве своего отца Федора Павловича Карамазова.

В письме Н. А. Любимову (16.11.1879) писатель сообщал, что «советуясь с одним прокурором (большим практиком), увидал вдруг, что целая, чрезвычайно любопытная и чрезвычайно хромающая у нас часть нашего уголовного процесса... (большое место нашего уголовного процесса) в романе... бесследно исчезнет. Эта часть процесса называется *«Предварительным следствием»* с старою рутиною и с новейшей отвлеченностью в лице молоденьких правоведов, судебных следователей и проч. » (30, 1, 130). В связи с этим писатель принимает решение написать еще одну, девятую книгу и назвать ее *«Предварительное следствие»*.

Прокурор, о котором упоминает в письме Ф. М. Достоевский, был А. А. Штакеншнейдер — прокурор Изюмского окружного суда в середине 1870-х гг., с которым писатель встречался у его сестры Е. А. Штакеншнейдер. Известно, что по юридическим вопросам Ф. М. Достоевского также консультировал Анатолий Федорович Кони.

Достоевский создает роман *«Братья Карамазовы»* после судебной реформы 1864 г., т. е. в период действия так называемых «новых судов».

Судебная реформа 1864 г. провозгласила принципы независимости судей, гласности, устности и состязательности судебного процесса, ликвидировала сословный суд. Реформой 1864 г. были введены мировые судьи, адвокатура и суд присяжных заседателей.

Ф. М. Достоевский вникал во многие судебные процессы своего времени, анализировал их в *«Дневнике писателя»* и при этом меткими штрихами очерчивал профессиональный облик известных в то время юристов. Книги девятая и двенадцатая романа *«Братья Карамазовы»*, где Достоевский описывает предварительное следствие и судебное заседание, свидетельствуют о том, что писатель хорошо разбирался в современном ему уголовно-процессуальном законодательстве.

Ф. М. Достоевский на страницах романа *«Братья Карамазовы»* рисует образы представителей закона — вершителей правосудия: председателя суда, следователя, прокурора, адвоката.

Изображая предварительное следствие, Достоевский показывает формализм и крючкотворство следователя и прокурора, которые, стремясь сохранить форму допроса, только запутывают обстоятельства дела. «...Ведь вы можете самого Бога сбить с толку такими вопросами: где ступил, как ступил, когда ступил и во что ступил? — говорит Дмитрий. — Ведь я собьюсь, если так, а вы сейчас лыко в строку и запишете, и что же выйдет?... Разучитесь вы, господа, этой казенщине допроса, то есть сперва-де видите ли, начиная с чего-нибудь мизерного, с ничтожного: как, дескать, встал, что съел, как плюнул, и “усыпив внимание преступника”, вдруг накрывай его ошеломляющим вопросом: “Кого убил, кого обокрал?...” Ведь вот ваша казенщина, это ведь у вас правило, вот на чем вся ваша хитрость-то зиждется» (14, 420—421).

Австрийский доктор юриспруденции Ганс Гросс говорит о недопустимости *«предвзятого»*, *«предубежденного»* взгляда судебного следователя на дело, который складывается у следователя под влиянием каких-либо обстоятельств и который может привести к *«крупным заблуждениям»*, так как *«от этого убеждения впоследствии не так легко отказаться»* [11]. Этим как раз грешат *«мучители»* Дмитрия.

В лице адвоката Фетюковича, которым движет не стремление восстановить справедливость, не сострадание к своему клиенту, а лишь *«собственная сила таланта»*, обязывающая его одержать победу над противником, Достоевский обнажает буквально иезуитскую суть тех *«ловких приемов»*, которые ему довелось наблюдать в практике современных ему адвокатов.

Герои Достоевского, служители Фемиды, оставаясь в строгих формальных рамках закона, нередко повинуются духу времени, прямой выгоде и, поворачивая закон, *«как дышло»*, становятся *«нанятой совестью»* у биржевиков или у невнятной *«прогрессивной»* идеи. Таковы

правозащитники в романе «Идиот»: Лебедев, взявшийся защищать за обещанное вознаграждение не жертву, а обманувшего ее ростовщика, «ловкий и красноречивый» адвокат Рогожина, «ясно и логически доказывавший, что совершившееся преступление было следствием воспаления мозга, начавшегося еще задолго до преступления» (8, 507), защитник, который в своей «странной речи» утверждал, что при бедном состоянии преступника ему *естественно* должно было придти в голову убить шесть человек» и при этом правовед «был в полнейшем убеждении, что говорит самую либеральную, самую гуманную и прогрессивную вещь» (8, 279).

Такой диапазон подмен и фальши, от откровенного мошенничества до невольного извращения понятий и возвышенно лживой казуистики, Достоевский обнаруживал у многих современных юристов, объяснявших вину преступника стечением неблагоприятных обстоятельств, оправдывавших порою очевидные злодеяния и выводивших за скобки разговор об элементарной нравственности.

Принципиальная отстраненность внешних юридических определений от нравственного состояния и борений совести Дмитрия Карамазова, которые нельзя, так сказать, подшить в дело, а не только субъективный «произвол» прокурора, судьи, адвоката или присяжных заседателей (у каждого из них он особенный, но одинаково удобно накладывается на эту отстраненность), наглядно показана писателем в романе.

Прокурор в романе «Братья Карамазовы» считает, что «человек с деньгами везде человек», для Мити же они (деньги) — «лишь аксессуар, обстановка», «мелочь», недостойная внимания. Такое разное отношение к ним определяет и разную интерпретацию их роли в содеянном преступлении.

Приговор Дмитрию Карамазову выносит суд присяжных заседателей: в убийстве отца своего Федора Павловича подсудимый виновен.

Суд присяжных, искусственно привнесённый на русскую почву, не вписывался в веками устоявшийся уклад жизни русского народа и влек за собой множество несообразностей и парадоксов. В романе «Братья Карамазовы»

Достоевский показывает, как присяжные заседатели, решая вопрос о виновности или невиновности Дмитрия, руководствуются не гражданскими законами, а одними религиозными убеждениями, поэтому и выносят подсудимому обвинительный приговор «по всем пунктам», «без малейшего снисхождения». Дмитрий Карамазов, не убивавший отца своего Федора Павловича Карамазова, а, значит, и не виновный перед государственным законом, был осужден и приговорен к двадцати годам каторжных работ.

Суд присяжных в данном случае принимает во внимание не фактические обстоятельства дела, а угрозы Дмитрия отцу, которые были известны всем в городе, и содержание его письма к Екатерине Ивановне («Убью, только бы уехал Иван») (15, 119) в соответствии с православной точкой зрения, по которой преступлением является уже сама мысль о грехе.

Достоевский, видя все недостатки современного ему отечественного судопроизводства, постепенно приходит к мысли о церковно-общественном суде, которая также находит воплощение в романе «Братья Карамазовы».

А. Ф. Кони высоко оценил общественную деятельность Ф. М. Достоевского. «Он стоял всегда за нарушенное, за поправленное право, ибо стоял за личность человека, за его достоинство, которые находят себе выражение в этом праве. <...>

На вратах дорогого нам здания, называемого Судебными уставами, написаны слова, которые никогда не утратят своего глубокого смысла. Ими должна определяться наша деятельность. Но не он ли так жадно искал правды всю свою жизнь и так ревностно служил ей? ... Не у него ли, через все, что творил он, как красная нить, политая слезами, проходит идея о *милости*, призыв к снисхождению, к пониманию падших и несчастных?... Из тяжелых лет своего пребывания в Сибири он вынес любящее и прощающее сердце и озарил светом, исходящим из него, “темные пропасти земли”. Почтим же память того, кто старался осветить и нам верный путь и в темной области уголовного исследования, где, по неведению, так легко

отойти в сторону от правды — и, по невниманию, не увидеть иногда основания для милости! Почтим память того, кто высоко держал перед нами свой светоч и, указывая, в чем правда и как находить ее, настойчиво указывал на необходимость милости ...» [12], — такими словами закончил А. Ф. Кони свою речь о Достоевском перед участниками заседания Юридического общества. И в этих словах замечательного русского юриста дань высокого уважения великому мастеру отечественной словесности, сумевшему в своем творчестве так глубоко и так оригинально исследовать важнейшие проблемы современной ему российской правовой действительности.

Примечания

1. Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. М., 1989. С. 213.
2. С 1861 по 1863 гг. издавался журнал братьев Достоевских Ф. М. и М. М. «Время», в 1864 — «Эпоха». Редакция ставила своей целью разъяснение юридических знаний, информирование общества о ходе судебной реформы. В течение 1861—1862 гг. в этих журналах публиковались процессы из уголовных дел Франции и Англии 1820—1850 гг.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л., 1972. Т. 28 (1). С. 63. Далее все ссылки на сочинения Ф. М. Достоевского по этому изданию с указанием тома и страницы .
4. Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. С. 218—219.
5. Д'Аннуцио Габриэле (1863—1938), итальянский писатель, политический деятель.
6. Бурже Поль Шарль Жозеф (1852—1935), французский писатель.
7. Вогюз Эжен Мелькиор де (1848—1910), французский писатель и историк литературы.
8. Ферри Энрико (1856—1929), итальянский криминалист, последователь Ч. Ломброзо.
9. Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. С. 238.
10. Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. С. 228.
11. Гросс Ганс. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908. С. 28.
12. Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. С. 229—230.